

Кnygų recenzijos / Recenzje książek

РУССКАЯ УТОПИЯ: СТАРЫЕ ТЕМЫ, НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX-XX веков: колл. монография. 2011. Отв. ред. Н. В. КОВТУН. Москва: Флинта; Наука. – 408 с.

*Юлия Говорухина
(Rusija/ Rosja)*

Научный проект, объединивший ученых разных методологических установок, чьи интересы связаны с исследованием утопического миромоделирования, оказался совсем не утопическим по своим результатам. Монография «Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX-XX веков», несомненно, займет свое место в историографии утопии и будет интересна филологам, историкам, социологам, психологам как метаописание разных форм художественного преломления утопического и антиутопического сознания.

Исследовательский интерес к утопии сегодня неслучаен. Он обусловлен и накопленным основательным опытом художественной (анти)утопической практики, на материале которого можно построить еще один сюжет истории мировой литературы, и возможностью самопознания в процессе интерпретации. Представленный в монографии опыт научной рефлексии интересен обнажением не только того, о чем «говорит» утопический текст, но и того, что невольно «сказалось» в тексте (самой утопии и монографии, ей посвященной).

Утопическое мышление – непреходящая особенность человеческого сознания, мышление, которое стимулируется не реалиями, а моделями и символами (К. Манхейм). В то же время утопия погранична, находится на стыке обыденного и теоретического, психологии и идеологии. Отчуждение и дезориентация человека в обстоятельствах кризиса активизируют ментальные механизмы компенсации. Компенсаторная функция – основная для утопического сознания, порождающего как идеологические конструкты идеального социума, так и художественные виртуальные миры. Утопический художественный проект в его соотнесенности с текстопорождающими компенсаторными ментальными структурами, очевидно, является главным объектом внимания авторов монографии.

Пограничность и неизбывность утопии обусловили большой исторический опыт ее рефлексии. В то же время в литературоведении исследование утопии сопряжено с понятийной неупорядоченностью, неразрешенностью множества теоретических вопросов. Такая

ситуация не могла не «сказаться» в тексте монографии: в ряде статей практически не различаются такие жанры, как «утопия» и «фантастика», «сказка» и «утопия»; понятие «утопия» как жанр иногда сливается с понятием «мечта». Диапазон априорных понятийных установок, ограничивающих сам феномен утопии, в книге широк: от понимания утопии как жанра до продуктивной, с нашей точки зрения, позиции расширения этого понятия до границ метажанра, особого дискурса (что теоретически акцентировано, например, в работах А. Н. Воробьевой, Н. В. Ковтун, А. М. Лобина).

В монографии также «сказалось» стремление ученых определить некие относительно устойчивые теоретические посылки. Последовательная апелляция к источникам, означенным в качестве авторитетных (публикации Б. Ф. Егорова, А. Н. Воробьевой, Н. В. Ковтун, Р. Лахманн), и комментарии к ним позволяют реконструировать эти установки. Первая – учитывая прямую семантику «утопии» (мечта), гносеологически предполагать тесную связь утопии и реальности. Вторая – установка на преодоление узкожанрового понимания (анти)утопии в направлении к осмыслению данного феномена как наджанрового или метажанрового единства, выражающего утопическое сознание и обладающего миромоделирующей силой, к выделению укрупненных конструктивных признаков. Третья – установка, корректирующая предыдущую, – осознание опасности абсолютизации метажанрового подхода, неизбежно ведущего к потере семантики жанра как «внутренне сбалансированной системы, организующей произведение в целостный образ

мира» (А. Н. Воробьева), и актуализация центрирующих сущностных характеристик (анти)утопии. Монография не заполняет те «белые пятна» в изучении утопии, которые обозначил в своей статье Б. Ф. Егоров, однако выдерживает (в своем целом) аналитические принципы, названные ученым: целостность, генерализация и одновременно дробность, изучение феномена в эволюции.

Предметом внимания авторов монографии, обратившихся к разным историко-литературным периодам, становятся как «личная» утопия персонажей, так и масштабные социальные утопические проекты. При этом всякий раз конкретика анализа высвечивает теоретические проблемы осмысления феномена утопии. Попытаемся реконструировать поле этих проблемных вопросов.

Вопрос о сущности утопии. Неслучайно он актуализируется исследователями современной утопии. Новейший вариант (анти)утопии наиболее явно демонстрирует свое отличие от утопии классической, требует понятийной определенности и адекватного метаописания. Такое описание возможно на основе сравнения новой утопии с классической (его продуктивность очевидна в работе А. В. Григоровской), сравнения утопии с другими (соотносимыми) жанрами (так, параллель «утопия – фантастика» осмысливается в статье А. М. Лобина). Проблема межжанровых взаимовлияний в истории развития литературной утопии становится предметом рефлексии в работах П. С. Глушакова, А. В. Григоровской, А. М. Лобина, Т. Н. Марковой.

Непосредственно соотносится с предыдущей осмысливаемая авторами проблема **динамики метажанра утопии**. Особенно «богат» такими размышлени-

ями последний раздел книги: материал новейшей прозы поневоле заставляет оглядываться назад. Перспективным и крайне интересным, на наш взгляд, является заявленный Т. Н. Марковой аспект в рамках данной проблемы. Исследовательница задается вопросом, каковы внутренние закономерности саморазвития антиутопии. Направление поиска порождающего начала, по мнению ученого, располагается в области антиномии эсхатологизма и утопизма как неизменных свойств миропонимания. Интереснейшие наблюдения Т. Н. Марковой о структурных изменениях современной антиутопии, однако, возобладали над выявлением искомым закономерностей жанра (метажанра).

Проблема «чистоты»/специфики метажанра утопии в ее современном варианте. Большинство исследователей приходят к выводу о трансформации жанра утопии. В предложенных теоретических метаописаниях, основанных, безусловно, на анализе конкретных литературных опытов, модель классической утопии не «опознается», утопия как жанр не узнаваема. Так, Т. М. Колядич в финале статьи перечисляет признаки современной псевдоутопии: наличие героя-современника, указывающего «на отсутствие четкого представления о будущем мироустройстве» (с. 355), мифопорождающего потенциала; создание «виртуальных миров, где можно жить без хлопот» вместо «решения конкретных проблем» (с. 355). Каждый признак, однако, порождает вопросы/возражения: антиутопический герой-современник не является открытием современной литературы, невозможно резко отделять утопию от мифа, ведь мифопорождающим началом утопия обладает по своей

природе. Наконец, напрашивается вопрос: знает ли история примеры решения «конкретных проблем» посредством утопий?

На наш взгляд, доказательства «существенных изменений» современной утопии и антиутопии нужно искать в другой плоскости. Более продуктивным видится модель, предложенная Т. Н. Марковой. Следы качественных изменений структурных параметров антиутопии, по мнению ученого, становятся сращение и скрещение с другими жанрами, смещение в сферу бессознательного – инстинктов, интуиции, воображения и фантазии, отсутствие жесткой идеологической альтернативы, изменение хронотопа (актуальное время – после конца), феноменологический подход, деперсонализация. Т. Н. Маркова выстраивает своего рода поле современной антиутопии, ядро которой представлено текстами, стоящими ближе всего «к классическим опытам футурологической диагностики» (с. 315) (социальная антиутопия), а периферия – произведениями, в которых структурные изменения проявились более явно (феноменологический опыт антиутопии, утопия-сказка, фантастическая утопия).

Проблема соотношения «автор – утопический проект». Если в классической или ориентированной на классическую литературу авторское начало может быть реконструировано с опорой на включенные в текст оценки, «сигналы и симптомы», на композицию, в которой проявляет себя «активный автор», то современная литература зачастую закрывает для исследователя такой путь. Инерция порождает спорные моменты интерпретации, например, утверждения О. В. Богдановой о том, что Т. Толстая «усматривает его (Пушкина. – Ю. Г.) за-

слуги в ином – в невольном и невидимом глазом деянии старого слезливого старикашки, в ярости набросившегося на “скверного мальчишку”» (с. 329), в котором угадывается будущий вождь пролетариата. «По версии современной писательницы, роль Пушкина в российской истории могла бы быть совершенно иной, чем та, что досталась ему. История России с выжившим после дуэли Пушкиным могла бы быть иной. Без революции» (с. 333–334); «по Толстой, заслуга Пушкина не в его поэтическом наследии, а в том, что “влияние” поэта изменило нрав Ульянова» (с. 336). «Приписывание» этих мнений Т. Толстой без учета специфически игровой постмодернистской аксиологии видится не вполне обоснованным.

Структура монографии отражает, как представляется, главный замысел редактора (располагающийся в сфере антропологии): представляя анализ разных практик утопического миромоделирования, показать историю компенсаторного мышления: от классической эпохи XVIII–XIX вв., через утопии и антиутопии модерна, советского периода, к современности. Эта история придает книге особое «сюжетное» начало, своеобразную интригу.

Таким «сюжетом» становится эволюция идеала, положенного в основу утопического/антиутопического проекта. Раздел первый «Утопия в классическую эпоху XVIII–XIX веков» воссоздает эпоху Просвещения с ее «деятельным» утопизмом как глубинным свойством миропонимания и верой в возможность изменения действительности реальной. В его основе лежат идеологемы «закон», «договор», «общая польза» (работа Е. Е. Приказчиковой). Консервативные

1830–40-е годы актуализируют христианские основания утопического социального и нравственного проекта с основополагающими установками на честность, труд (работы А. Косьциолэк, Е. Г. Местергази).

Утопия эпохи модерна, ставшая главным объектом исследования во втором разделе монографии «Утопические и антиутопические проекты эпохи модерна», репрезентирует новые ментальные установки: машинизм, технику (глава, написанная И. И. Плехановой) и обратную – национальное патристическое прошлое (работа П. С. Глушакова), классику (работа К. В. Анисимова). Вторую вкупе с христианской линией актуализирует утопия второй половины XX века, демонстрируя, с одной стороны, одиночество в исполнении Завета, а с другой – игру как вариант выживания героя (Н. В. Ковтун).

Думается, имел место и еще один замысел редактора – показать разные методологические установки и ракурсы изучения утопии.

Традиционный ракурс, не означающий, однако, исчерпанности, – изучение художественного воплощения утопического (в типологическом и индивидуальном аспектах). Утопизм как глубинное свойство эпохи, отразившееся в «Путешествии из Петербурга в Москву», исследует Е. Е. Приказчикова, обнаруживая в тексте следы антиутопии (разоблачение попытки создания новой имперской цивилизации, утопического проекта Екатерины II) и утопии (попытку утвердить альтернативный социальный и нравственный проект по законам Правды и Природы, подкрепленную установкой на сознательное утопическое по своей сути житнетворчество самого А. Н. Радищева).

ва); предметом внимания А. Косьциолэк становятся основания утопического миромоделирования Н. В. Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: должность как «безусловный этический императив», патриархальность, просвещение, христианская справедливость; Е. Г. Местергази помимо традиционного тираноборческого утопического содержания «Торжества смерти» видит в тексте антиутопический проект, направленный против революционных преобразований и образно реализовавшийся в столкновении христианского и языческого; направления исторического (анти)утопического проектирования в литературе русского зарубежья исследует П. С. Глушаков; островная утопия и ее формы оказываются в центре внимания С. Франк, А. Ю. Большаковой. А. Н. Воробьева исследует становление новой утопической парадигмы XX века, трансформирующей классическую триаду «государство-общество-человек» и переосмысливающей традиции народной и литературной утопии; (анти)утопия рубежа XX–XXI вв. исследуется О. В. Богдановой, Т. М. Колядич, А. В. Григоровской, А. М. Лобиним, Ф. Листваном.

Другой ракурс исследования (анти)утопии – актуализация внутренних, экзистенциальных форм присутствия утопического. В. К. Васильев изучает реализацию (анти)утопического в характерологической сфере романов И. Тургенева: лишние, нежизнеспособные Рудин, Инсаров, Базаров, Нежданов с подмененным идеалом, вынужены стержнем, «тягой к саморазрушению, смерти» (с. 79), чьи судьбы вписываются в архетипический сюжет Антихриста, и Соломин, персонификация тургеневского утопического проекта, основанного на идее Дела, Труда.

Е. И. Пинженина в главе о романе «Обломов» последовательно доказывает обусловленность обломовской утопии характером главного героя, вычленяет психологические мотивировки конструирования централизованного мира, который позволяет герою сохранить «устойчивость бытия» (с. 88); Н. П. Хрящева обнаруживает в «Сокровенном человеке» А. Платонова противопоставление утопии большевизма (аршинная революция, рожденная умственными целями) и платоновской утопии Сердца («феномена расширения человеческого сознания» (с. 141)). Объектом внимания Е. Н. Проскуриной становится роман Г. Газданова «Переворот» и идея жизнеспособности только нравственной утопии, основанной на самосозидании по модели упорядоченной вселенной. Автономное «я» как альтернатива социальной и исторической личности и главный персонаж утопии конца XX в. исследуется Т. Н. Марковой. Художественный проект традиционалистов, по мнению Н. В. Ковтун, «отражает иные составляющие Имперского проекта, актуализируя путь восстановления “своего”, исконного, обещающий Исход» (с. 282). Художественный опыт А. Солженицына обыгрывается литературой (не)традиционалистской, завершившей определенный этап истории русской утопии и утопического мышления: народная утопия исчерпала свою компенсаторную функцию и не способна создать оппозицию хаосу реальности.

Особое место в монографии, на наш взгляд, занимают работы, исследовательский ракурс которых позволил обнаружить необычные формы проявления утопического. Конфликт с социальной утопией нередко в истории русской ли-

тературы задействовал в качестве противосилу традицию с ее ценностным полем, означиваемым как идеальное. По мнению К. В. Анисимова, апелляция к прошлому может иметь вид не только ценностного и гносеологического ориентира, но и инструментального: «может заключаться в использовании художественно-риторических форм старой культуры, ориентироваться на воссоздание традиции во всей ее полноте и достоверности, на применение наработанных ею приемов» (с. 165). Исследуя риторику мемуарных и публицистических текстов И. Бунина, ученый обнаруживает еще один уровень текста, на котором разворачивается борьба писателя с радикальными проектами – уровень языка, риторическая ориентация которого на традиционалистов XVII в. (Аввакума) сопротивляется новой советской риторике. И. Бунин, таким образом, осуществляет одновременно утопический и антиутопический акт.

И. И. Плеханова исследует проект конструктивизма как теоретико-эстетическую утопию. Новым видится сам предложенный ракурс – обнаружения утопического на уровне теоретического моделирования.

Внутренняя структурная гармония рецензируемой книги поддерживается иллюстрациями, которые, на наш взгляд, очень точно образно схватывают сущность утопических проектов разных эпох.

Чего не хватает, на наш взгляд, данной монографии? Теоретической статьи или рамочного фрагмента, в котором бы обобщались суждения жанрового и метажанрового плана, сделанные авторами книги на конкретном историко-литературном материале. Такие обобщения напрашиваются, поскольку намеченной оказалась определенная логика движения утопии в русской литературе XIX–XXI вв. Не хватает междисциплинарности в освещении заявленной в заглавии темы. Союз «и» в названии монографии связывает утопический проект и его художественную реализацию, но одновременно указывает на самостоятельность утопии как объекта, познание которого невозможно без выхода в социологию, психологию, философию, культурологию. Впрочем, эти весьма условные лакуны могут быть интерпретированы как утопический проект рецензента.